

Ведь он так дорожил своим Сяньцинем, но судьба решила сыграть с ними злую шутку, заставив на пути возникнуть этого стотысяч раз проклятого Чжу Сюя. Из-за него он вмиг потерял рассудок и нарушил прежнее соглашение с Сяньцинем!

Дун Сянь вовсе не был трусом, который трепещет перед властью и молча сглатывает обиды, кипя от гнева.

— На словах правителя не бывает лжи. Именно потому, что вы — Император, вам тем более не подобает снова и снова нарушать обещания, данные вашему слуге...

— Это ты во всем виноват! — с невероятным волнением он схватил его ледяные руки. — Ты не смел думать ни о ком, кроме меня, и тем более не смел любить никого, кроме меня!

Чем ближе он становился к нему, тем сильнее с каждым днем росла его жажда обладания.

— Это же тирания и деспотизм! Я хочу домой, на этот раз ваш слуга больше не станет подчиняться словам Императора! — зная, что это пустые слова, которые никогда не сбудутся, Дун Сянь все же не удержался и выкрикнул их.

Лю Синь холодно усмехнулся:

— Ты думаешь, я позволю тебе сбежать от меня? Я уже говорил: ты принадлежишь мне одному! А ну, взгляни-ка! Что написано в этом указе?

Он протянул ему только что составленный за столом указ, поднеся прямо к глазам.

Дун Сянь лишь опустил голову и молчал, даже не пытаясь протянуть руку, чтобы взять свиток.

Лю Синь вовсе не рассердился: в конце концов, тот все равно больше не вырвется из его ладоней, хе-хе!

— Сяньцин хочет, чтобы я зачитал указ вслух? Хорошо! Я как раз собирался это сделать!

Не дожидаясь от Дун Сяня никакой реакции, он принялся сам оглашать содержание указа:

— Начиная с сегодняшнего дня, распорядитель дворцового имущества Дун Сянь возводится в ранге до маркиза Гаоань, жалуются титул «Шэн Цин», а также даруется поместье! К исполнению!

Дун Сянь мог лишь широко раскрытыми глазами смотреть на стоящего перед ним мужчину. Голос же его, сраженный чрезмерным потрясением, словно взбунтовался и покинул его, не позволяя издать ни звука.

— Пока поместье еще не достроено, Шэн Цин пока проживет в моих личных покоях! — Оказывается, именно этим он был так занят чуть раньше.

— Нет... — едва обрета голос, Дун Сянь тут же отчаянно запротестовал.

Однако стоило ему только начать, как Лю Синь грубо зажал ему рот рукой.

— Шэн Цин, прошу тебя, не говори глупостей. За неповиновение императорскому указу в худшем случае полагается казнь всего рода до седьмого колена — неужели Шэн Цин этого не знает?

— Император?! — Дун Сянь просто не верил собственным ушам, надеясь, что это лишь слуховые галлюцинации от пережитого шока.

На беду, Лю Синь решил «добросердечно» напомнить ему, что это вовсе не сон:

— Шэн Цин у нас так умён, я верю, что ты не совершишь глупости и не станешь противиться императорскому указу, навлекая казнь на всю свою семью и сородичей, верно?

Заметив его очаровательное личико, на котором застыло выражении немого гнева, Лю Синь испытал глубочайшее удовлетворение.

Вот так. Отныне и впредь Шэн Цин целиком и полностью принадлежит мне одному. А этот Чжу Сюй — подумаешь, велика важность, хм!

О небо! За так ты со мной поступаешь? Неужели всю свою жизнь мне придется жить вот так, в тени, прячась от людей, пока Император не насытится и не устанет от меня?

Дун Сяню оставалось лишь выплакать все слезы, но рыдать было нечем. С самого детства он еще никогда так сильно не ненавидел собственное лицо. Если бы не эта несравненная красота, возможно, все сложилось бы иначе.

— Почему Шэн Цин молчит? — Он задавал вопрос, прекрасно зная на него ответ.

— Вы уже совсем не тот император, которого знал ваш слуга, — холодно бросил Дун Сянь.

— И что с того? — Если бы была возможность, Лю Синь предпочел бы не слышать столь холодных слов из его уст, но ради того, чтобы вечно владеть своим Шэн Цинем, такая жертва была необходима.

Когда Дун Сянь снова поднял голову и посмотрел прямо на него, в его глазах, помимо ненависти, уже не осталось никаких других чувств.

— Ваш слуга лишь хочет, чтобы Император понял: моя преданность принадлежит лишь тому императору, которого я знал, а вовсе не тому, кто стоит передо мной сейчас!

— Дерзость! — Лю Синь пришел в ярость и, снedaемый гневом, со злостью швырнул его на пол.
— Неблагодарная тварь! Я относился к тебе с такой глубокой преданностью и любовью не только не ценишь этого, но еще и говоришь такие отвратительные вещи! Есть ли у тебя вообще сердце?

Слова Дун Сяня действительно нанесли ему тяжелую рану.

Дун Сянь, брошенный на пол, не спешил подниматься. Лежа на холодном камне, он холодно произнес то, что было у него на душе:

— Ваш слуга никогда не желал подобных милостей от Императора.

— Ты хочешь сказать, что все это время я тешил себя иллюзиями, а ты просто сочувствовал мне, жалел меня — императора-марионетку, лишённого реальной власти, и изливал свою великую доброту, да? — Чем дальше говорил Лю Синь, тем сильнее распалялся.

Да! Он любил его — любил безумной страстью мужчины к женщине, готовый пойти на любые жертвы, лишь бы удержать его рядом, даже если тот будет ненавидеть его. Но для него это было лишь жалостью и состраданием?!

Выражение глубокой боли на лице Лю Сяня заставило Дун Сяня почувствовать беспричинную ноющую боль в груди.

— Нет, Император, ваш слуга просто...

— Замолчи! — испугавшись услышать разбивающее сердце признание, он грубо и властно оборвал его. — Запрещаю тебе говорить... Мой Шэн Цин, приди же в себя, я запрещаю тебе говорить...

В этом холодном и одиноком глубоком дворце, где так не хватало искренней любви, он с таким трудом отыскал это сокровище, свою истинную привязанность — и он ни за что, ни при каких обстоятельствах не откажется от него.

— Император, не надо...

Под отчаянный крик Дун Сяня Лю Синь вновь властно и силой пленил его губы, а следом — хрупкое, белое, словно снег, и более нежное, чем у любой женщины, тело.

Как назло, евнух, которому сегодня утром полагалось прислуживать Императору при пробуждении, оказался важным доверенным лицом, подосланным Великой вдовствующей императрицей Фу следить за Лю Сином.

Он собственными глазами подсмотрел все: и как император пожаловал титул маркиза в высочайшем указе, и то, как он разделил ложе с Дун Сянем. В его глазах вспыхнул зловещий и жуткий блеск.

Не теряя времени, он быстрым шагом бросился докладывать хозяйке эту невероятную, самую свежую новость!

Глядя на лежащее в его объятиях несравненное лицо, чья красота способна погубить целые царства, и которое теперь было не в силах шевельнуться, Лю Синь чувствовал себя одновременно счастливым и удовлетворенным.

— Шэн Цин, мой Шэн Цин, я буду любить тебя и лелеять всю свою жизнь, и одарю тебя всем, чего бы ты ни пожелал. Но ты должен пообещать мне: оставайся со мной навечно и не смей думать ни о ком другом. Иначе мне придется запереть тебя в покоях, чтобы за всю свою жизнь ты не видел никого, кроме меня! — Если бы была возможность, ему вовсе не хотелось так запугивать любимого человека. Но те две едва теплившиеся искорки бунта, что то и дело вспыхивали в глазах Дун Сяня, заставляли его перестраховываться: он не мог потерять его ни при каких обстоятельствах.

Дун Сянь так ничего и не ответил. Он неподвижно лежал, словно прекрасная безжизненная фарфоровая кукла.

— Шэн Цин, скажи же хоть что-нибудь...

— Докладываю Импераю! — Нашлись же нехоти такие несведущие нарушители спокойствия, решившие вклиниться именно в такой момент.

Если бы у него был выбор, евнух Ван ни за что не стал бы являться с докладом в подобную минуту, но будучи лишь рабом, он был вынужден подчиняться приказам!

— Есть дело — говори быстрее! — сердито и с раздражением бросил Лю Синь. Если бы доносчиком оказался не его вечно преданный евнух Ван, то этот наглец, пожалуй, уже летел бы пинком за ворота императорского дворца замаливать грехи.

— Вдовствующая императрица требует, чтобы Император немедленно изволил пожаловать во Дворец Юнсинь!

— Вдовствующая императрица? Зачем этой старухе понадобилась я именно сейчас? Неужели из-за дела Шэн Цина?

Хм! Ну и ладно! Пойду навещу ее!

— Немедленно приготовить паланкин!

Погляжу я, какие еще каверзы она удумала! Как бы то ни было, он никому не позволит тронуть на Шэн Цине и волоска.

Перед уходом Лю Синь не забыл приказать евнуху Вану оставить несколько надежных людей стеречь Дун Сяня, чтобы тот не сбежал в его отсутствие.

— Шэн Цин, только не делай глупостей. Если, вернувшись, я не обнаружу тебя здесь, то строго накажу эту стражу за нерадивость, понял? — Увидев испуганное выражение на лице Дун Сяня, Лю Синь остался полностью доволен и со спокойным сердцем удалился.

Он всегда неплохо разбирался в характере Дун Сяня, а потому умел этим «успешно пользоваться».

Прибыв во Дворец Юнсинь, Лю Синь решил опередить события и, прервав доклад вестника, вошел без приглашения, а евнух Ван последовал за ним по пятам.

Приблизившись к дверям, он услышал доносившиеся изнутри отчетливые голоса и на мгновение замер, решив подслушать разговор до конца... То были голоса Великой вдовствующей императрицы Фу и Императрицы Фу.

— Вдовствующая императрица, что вы думаете по поводу того, что император обласкал Дун Сяня и собирается пожаловать ему титул маркиза? — Императрица Фу изо всех сил старалась скрыть бушующую в сердце ревность, сохраняя величественное и великодушное выражение лица истинной хозяйки гарема.

Великая вдовствующая императрица, казалось, уже приняла решение:

— Не суетись. Сейчас главное — чтобы ты поскорее родила императору наследника. Тогда нам не о чем будет беспокоиться. Даже если император и станет фаворитить других наложниц, для нас это уже не будет угрозой. Что же до этого подлого чиновника Дун Сяня — пока не обращай на него внимания. Как ни крути, он мужчина и детей родить не сможет. Считай это просто родовым причудом клана Лю: вспомни, почти все прежние императоры благоволили любимцам-мужчинам, но разве хоть один подлый угодник закончил свои дни благополучно?

Императрица Фу закивала в знак согласия.

Великая вдовствующая императрица сделала глоток горячего чая, перевела дыхание и продолжила излагать свои мудрые соображения:

— Если посмотреть на это с другой стороны, то склонность императора исключительно к Дун

Сяню для нас даже благо — это всяко лучше, чем если бы он захаживал к другим наложницам! Особенно нам следует остерегаться благородной супруги Ван. Хоть император и обходит ее вниманием, ее навязал императору сам клан Ван. Чего они добиваются — яснее ясного. Влияние клана Ван практически не уступает нашему, мы должны действовать осторожно и не сделать ни единого неверного шага. Так что дело Дун Сяня пока отложим в сторону — если понадобится с ним разделаться, после того как он впадет в немилость, возможностей представится предостаточно. Сейчас важнее всего как можно скорее произвести на свет наследника. Императрица понимает мои слова?

Настоящая старая, хитрая лисица — она всегда знала, как поступить наиболее выгодно для укрепления собственной власти.

— Ваши слова мудры, Вдовствующая императрица...

— По какому такому важному делу Вдовствующая императрица приказала позвать внука? — не дожидаясь, пока Императрица Фу закончит, Лю Синь, вдоволь наслушавшийся их беседы, с яростью и насмешкой в голосе ворвался в комнату.

— Император?! Вы...

Увидев внезапно появившегося Лю Синя, обе женщины — и вдовствующая императрица, и императрица — замерли в крайнем изумлении.

С каких пор он здесь?! Неужели он слышал каждое их слово?!

— Ваша служанка приветствует Императора! — сообразила выдать дежурную фразу Императрица Фу.

Лицемерная, вызывающая тошноту женщина, хм! Лю Синь даже не взглянул на нее и направился прямо к вдовствующей императрице.

— Император как раз вовремя, я ждала тебя! — Не зря она была старой каторжанкой — на ее лице тут же появилась благодная улыбка, ни один мускул не дрогнул.

Однако в глазах Лю Синя эта улыбка не вызвала ничего, кроме фальши и отвращения.

— Хотите обсудить, как избавиться от Шэн Цина?

Это был чистой воды издевательский тон.

— Император, возможно, неверно понял мои слова! — Вдовствующая императрица, мысленно просчитывая следующий ход на шахматной доске, продолжала говорить. — Я всего лишь хотела...

Лю Синь даже слушать не желал ее лицемерных оправданий.

— Кажется, я уже давненько не навещал благородную супругу Ван. Пожалуй, стоит выбрать время и заглянуть к ней, а то клан Ван снова начнет роптать!

Видя, как лицо вдовствующей императрицы становится все более мрачным, Лю Синь говорил с возрастающим удовольствием.

С каких это пор этот слабый, никчемный мальчишка стал таким неуправляемым? Смеет угрожать мне влиянием клана Ван! Вдовствующая императрица с тревогой осознала, что ее власть и положение серьезно пошатнулись.

— Разве Император не считает, что Императрица нуждается в заботе куда больше, чем благородная супруга Ван?

Лю Синь бросил косой взгляд на позеленевшую от злости Императрицу и, дважды холодно усмехнувшись, ответил:

— Раз уж рядом с Императрицей находитесь вы, Вдовствующая императрица, и окружаете ее заботой, моя ей ни к чему!

— Император несправедлив к вашей служанке, я ведь всем сердцем думаю лишь о том... — попыталась сохранить благопристойный и добродетельный вид Императрица.

— О том, как бы побыстрее родить наследника мужского пола и укрепить свое положение и власть, верно? — он бесцеремонно оборвал ее, не скупясь на издевки.

— Император! — Если бы не его титул, она бы уже разорвала его на куски за то, что он смеет так с ней обращаться!

Чтобы не допустить еще большей неловкости и разгорающегося скандала, вдовствующая императрица поспешила взять инициативу в свои руки:

— Говорят, Император намерен пожаловать Дун Сяню титул маркиза Гаоань?

В сложившихся обстоятельствах «прямое нападение» было неплохой стратегией.

— И что с того? — Хм! Старая лиса, ты же с самого начала только об этом и хотела спросить, верно?

Лю Синь презрительно фыркнул носом.

Этот мальчишка все хуже поддается контролю. Единственный надежный выход — как можно скорее родить наследника престола, напомнила себе вдовствующая императрица.

— Выслушай меня, Император. За последнее время из-за истории с частыми переездами во дворцовых покоях и так поднялась страшная буря, а клан Ван и вовсе жаждет смерти Дун Сяня. Если ты сейчас же громко объявишь об этой ошеломляющей новости, боюсь, это вызовет лишь еще более яростный отпор. Вреда будет больше, чем пользы, прошу тебя, обдумай это хорошенько!

Ох! Как складно изъясняется. Но ее слова все же напомнили ему о реальном положении дел.

— В словах Вдовствующей императрицы есть резон. Я решил объявить о пожаловании титула Шэн Циню только после того, как завершится строительство его поместья!

Он пекся исключительно о безопасности своего Шэн Цина: в конце концов, дворцовые интриги были слишком изощренными и вездесущими, так что осторожность лишней не будет.

Вдовствующая императрица наконец облегченно выдохнула:

— Мудрое решение Императора! Ну а что насчет визита к благородной супруге Ван...

— Пока Шэн Цин в безопасности и неизменно пребывает рядом со мной, у меня даже в мыслях не возникнет навещать благородную супругу Ван! — Тон не оставлял сомнений: это был чистой воды ультиматум и обмен условиями.

Вдовствующая императрица пристально и долго смотрела на него, после чего мягко улыбнулась:

— Разумеется, с Дун Сянем ничего не случится. Кто во всем императорском дворце осмелится тронуть хоть волосок на теле любимца Императора?

Лицо Лю Синя наконец озарила довольная улыбка:

— Тогда я возвращаюсь в свои покои!

С этими словами, не дав ни единого шанса обеим женщинам — и старшей, и младшей — опомниться и ответить, он решительно развернулся и ушел.

Дун Шэн Цин, ты посмел очаровать императора, я непременно устрою тебе сладкую жизнь! — в глазах Императрицы блеснул опасный, смертоносный огонек.

Вдовствующая же императрица была целиком занята мыслями о том, как укрепить свои позиции в императорских покоях.

— Умоляю, Император, умерьте гнев, идите помедленнее! — семенящий следом евнух Ван

запыхался и еле поспевал за ним.

Словно не слыша его, Лю Синь с прежней стремительностью шагал к Императорскому кабинету. Сейчас в его голове билась лишь одна мысль — поскорее вернуться к своему Шэн Циню и прижать его к груди.

Шэн Цин, я уже иду!

Добежав до дверей Императорского кабинета и заметив, что стражники не проявляют признаков беспокойства, Лю Синь тяжело перевел дыхание — Шэн Цин действительно послушно ждал его внутри.

— Шэн Цин! — едва переступив порог, нетерпеливо позвал он.

Мгновенно силуэт Дун Сяня возник в поле его пылающего взора.

— Шэн... — В ту самую секунду, когда он собрался ринуться к Дун Сяню, дикая, пронзительная боль внезапно полоснула его по груди. Холодный пот градом скатился по лицу, дыхание перехватило, и прежняя улыбка застыла в уголке рта.

После этого он потерял равновесие и завалился набок.

— Император! Осторожно! — евнух Ван проявил завидную расторопность, вовремя бросившись вперед и подхватив господина.

Дун Сянь оставался бесстрастным, однако на самом дне его глаз помимо воли промелькнул испуганный след искреннего беспокойства.

Когда имперские лекари завершили осмотр и удалились, а евнух Ван помог Императору с комфортом устроиться в постели, он без всяких предисловий принялся в мельчайших деталях пересказывать все, что произошло сегодня во Дворце Юнсинь, сидевшему рядом и отрешенно глядевшему на спящего Лю Синя Дун Сяню.

Дун Сянь не проронил ни слова за все время, пока евнух Ван говорил.

Заметив это, евнух тяжело вздохнул и продолжил:

— А-Сянь, евнух Ван прекрасно понимает твои чувства и мысли. Но Император и впрямь так одинок, ему так не хватает душевного тепла и родственной заботы. И вот теперь, когда он с таким трудом отыскал тихую гавань, где его одинокое сердце может обрести покой, можно

себе представить, насколько сильно бушуют его чувства. К тому же, разве то, как Император обращается с вами, не доказывает глубину его чувств к тебе? Евнух Ван не смеет требовать, чтобы ты отвечал взаимностью на желания Императора, но я умоляю тебя: не покидай Императора, хорошо? Иначе, боюсь, он просто не вынесет такого удара и... А-Сянь? Ты слышишь, что говорит евнух Ван?

Не дождавшись никакой реакции, евнух лишь грустно вздохнул еще пару раз. Дун Сянь по-прежнему молчал.

Евнуху Вану оставалось лишь с горечью удалиться.

— Я посторожу снаружи, если понадобится — просто позови!

Дун Сянь не шелохнулся.

Не успел евнух Ван отойти, как Лю Синь заборчал в бреду:

— Цин... Шэн Цин... не уходи от меня... мой Шэн Цин... стоит тебе лишь попросить, я отдам тебе все, на все согласен... умоляю, не покидай меня... Шэн Цин... — он то ли плакал, то ли молил, снова и снова повторяя одни и те же слова.

Одежда Дун Сяня в один миг промокла от слез.

Император, ну к чему вам эти муки? В задних покоях полно красавиц на любой вкус, ожидающих вашего милосердия, почему же вы так привязались именно к А-Сяню?

— Шэн Цин... умоляю, не оставляй меня, я не могу жить без тебя... Шэн Цин... — страстные признания Лю Синя не смолкали ни на секунду.

Сам не зная, какими соображениями он руководствовался, Дун Сянь осознал свои действия лишь тогда, когда его руки уже крепко сжали большую, ледяную и слегка подрагивающую ладонь Лю Синя, а губы сами собой зашептали в ответ те же самые заветные слова:

— Император, прошу, отдохните спокойно. А-Сянь не покинет вас, А-Сянь обещает вам: я никогда, до конца дней своих не уйду от вас. Прошу, перестаньте плакать во сне, Император...

Он и сам не понимал, почему произнес это. Ведь он ненавидел его!

И все же, мельком взглянув на слезы во сне и мольбы Лю Синя, его заледеневшее, обиженное сердце дрогнуло.

Была ли это жалость? Он не знал.

Единственное, что ему было ведомо — вскоре после того, как он произнес эти слова, Лю Синь погрузился в глубокий, безмятежный сон с улыбкой удовлетворения и покоя на устах. Он больше не плакал и не метался в беспомощном и тревожном бреду.

Сердце Дун Сяня оттого лишь сильнее погрузилось в смятение и растерянность.

Из-за внезапной кончины Вдовствующей императрицы Фу Императрице Фу удалось избежать расплаты.

Разумеется, немалую роль в этом сыграло заступничество Дун Сяня.

Расстановка сил в императорском дворце вновь претерпела серьезные изменения: Лю Синь наконец-то добился своего и взял всю полноту реальной власти в свои руки. Что же до попытки Императрицы Фу устранить Дун Сяня, то, хотя по настоятельной просьбе самого Дун Сяня расследование заминать не стали до конца, Императрица все же была сослана в Холодный дворец.

Вскоре влиятельный сановник Ван Цзя, воспользовавшись поводом восшествия Лю Синя к единоличному правлению, преподнес ему дерзкую петицию с предостережением, умоляя Императора прекратить излишнее фаворитизм по отношению к Дун Шэн Цзиню, дабы не подрывать авторитет императорского рода. В гневе Лю Синь приказал казнить Ван Цзя, после чего сам слег с тяжелой болезнью —

— Император, к чему вам все это! — на сердце у дежурившего у постели Дун Сяня кошки скребли.

Лежащий в кровати бледный как смерть Лю Синь попытался выдавить из себя улыбку:

— Шэн Цин, не беспокойся за меня, я просто слишком сильно рассердился, пара минут отдыха — и все пройдет. Вот только ты сам в последнее время совсем не улыбаешься — неужели из-за меня?

Дун Сянь поспешно произнес:

— Прошу Императора не тешить себя пустыми мыслями, со мной все в порядке, вы просто излишне тревожитесь.

— Действительно ли так? — Он лишь успокаивал его, и Лю Синь прекрасно это понимал.

Хотя он и не мог сказать, что до конца постиг характер Дун Сяня, он хорошо знал его доброту: тот неизменно винил во всем случившемся себя, считая, что из-за него пострадало столько ни в чем не повинных верных слуг.

На самом деле Лю Синь и сам не собирался убивать тех сановников, что осмеливались открыто

обличать его, но стоило ему услышать, как они беззастенчиво бранят его любимого Шэн Цина, как гнев заливал глаза, и он уже не мог себя контролировать.

<http://bllate.org/book/21157/2144444>